
Г. Ю. ОРЛОВ

ДВОРЯНСКИЕ УСАДЬБЫ

Почему, говоря о «золотом» XIX веке русской культуры, мы всегда обращаемся к дворянской усадьбе? Подвижничество наиболее образованных деятелей русского Просвещения способствовало тому, чтобы возникла дворянская усадьба как феномен, сыгравший роль источника высокой русской культуры. Дворянская усадьба стала социальным и материальным обрамлением культурной жизни исключительного масштаба и резонанса. Желание сформировавшихся в XIX в. русских европейцев не покорить, а преобразовать природу привело к распространению по России прекрасных, идеальных миров дворянских усадеб, которые было очень радостно создавать и оказалось так легко уничтожить.

Ключевые слова: дворянская усадьба, «золотой век» русской культуры, идеальные миры, русское дворянство, усадебные сады и парки.

В основе всякой культуры лежат мифы в лучшем смысле этого слова. Русская усадьба была прекрасным мифом, мечтой – превратить всю Россию в сад.

Академик Ю. С. Пивоваров

История написания этих заметок такова. После того как я в течение последних пяти лет сделал серию акварельных рисунков, посвященных пейзажным паркам Москвы и Подмосковья, я решил написать к этим рисункам комментарий. «Комментарий к иллюстрациям» был опубликован в периодической печати в 2012 г., но при этом произошла небольшая замена: тема стала называться «Дворянские усадьбы». Такое название потребовало другого отношения к тексту, он вышел на первый план и зажил самостоятельной жизнью. С другой стороны, не было бы рисунков – не было бы и текста. История русской дворянской усадьбы и история ландшафтной архитектуры на территории России оказались вещами абсолютно совместными. Вместе они составляют то, что называется культурным наследием России, с одинаково блестящей историей и одинаково трагической судьбой.

История и современность, № 1, март 2013 140–149

Почему, говоря о «золотом» XIX в. русской культуры, мы всегда обращаемся к дворянским усадьбам? Что такое сегодня дворянская усадьба: «призрачная, но реальность – или миф, сказка с красивыми иллюстрациями» (см.: Нащокина 2000: 3)? Почему и сейчас, через полтора столетия после того, как закончилась их история, выходят многие публикации о русских садах и парках, об усадебной архитектуре, о жизни и быте в усадьбах? В ноябре 2012 г. отметило 20-летие возродившееся «Общество изучения русской усадьбы (ОИРУ)». К ежегодным публикациям этого общества, к серьезным монографиям отечественных историков (А. Вергунов, М. Нащокина, Б. Кириченко, Д. Швидковский и др.) присоединились солидные издания зарубежных исследователей (Рузвельт 2008; Хейден 2009; Пайпс 2012).

Но сначала определимся в понятиях. Усадьба и поместья, имения и гнезда, плантации, подобные американским, латифундии, подобные английским, сады и парки... Неопределенность с определениями... Можно сказать, что дворянская усадьба – это часть (часто незначительная, если иметь в виду площадь) дворянского имения, никогда не представляющего собой единую латифундию наподобие западноевропейской, а, как правило, раздробленного на отдельные земельные поместья-владения (см.: Пайпс 2012: 232). В этой усадьбе, в главном доме посреди сада или парка как наиболее представительной части своего имения, жил оседлым помещиком дворянин в окружении своих родных и домочадцев. К Манифесту Петра III от 1762 г. о пожаловании «...всему русскому благородному дворянству вольности и свободы» Екатерина II добавила в 1785 г. новые вольности, подписав грамоту о юридическом признании принадлежавших дворянам земель их полной собственностью, с одновременным освобождением дворян от телесных наказаний. Последнее добавление немаловажно. Свобода от обязательной государственной службы для дворян, ставших оседлыми помещиками, имела привлекательную сторону, потому что они испытывали вечную неприязнь ко всякой государственной работе и инстинктивную реакцию на всякое давление сверху. Возможность жить независимо от верховной власти была заманчива даже для придворных вельмож. Поэтому – подальше от города, а где найти грамотного и добросовестного чиновника – об этом пусть за-

ботится государство, на то у него перечисленные в Табели о рангах должности. В сознании массы дворян не было различия между государственной службой и добровольным служением обществу.

И тут возникает такая неожиданная мысль: дошедшие до нас хотя бы по книгам, историческим воспоминаниям и реставрационным проектам великолепные сады и парки с домами палладианской архитектуры и вся русская культура, возросшая на их почве, – все это не благодаря природе, а вопреки ей. Хорошо создавать ландшафтные усадебные парки в омываемой Гольфстримом Англии, неплохо и во Франции, еще лучше – в Италии. А в Россию-то их каким ветром надуло? Уж никак не с Ледовитого океана, от которого вся Восточно-Европейская низменность не защищена никаким горным барьером. Отсюда и пушкинские сожаления: «природы русской скупость», «...эта скудная природа». Август Гакстгаузен, прусский знаток сельского хозяйства, побывавший в России в середине XIX в., подробно подсчитал, насколько неприбыльно сельское хозяйство в России, особенно в лесной полосе. Свои подсчеты он заключил советом: если вам подарят поместье в северной России при условии, чтобы вы вели в нем хозяйство так же, как на ферме в Центральной Европе, лучше всего будет отказаться от подарка, потому что год за годом в него придется вкладывать деньги (см.: Пайпс 2012: 24). Согласно этому автору, поместье в России могло стать доходным лишь при двух условиях: при использовании на сельскохозяйственных работах труда крепостных (что освободит помещика от расходов по содержанию крестьян или скота) или сочетании земледелия с развитием мануфактуры, чтоб занять крестьян, сидящих без дела в зимние месяцы. Непонятно, кому давал Август Гакстгаузен свои советы, потому что именно так все и происходило. В 1858–1859 гг. в России была опубликована следующая статистика (см.: Там же: 232). Согласно переписи, в эти годы в 37 губерниях России проживало около 90 000 крепостников обоего пола. Для целей нашей статьи можно не принимать во внимание более 68 000 обедневших дворян, у которых было менее 100 душ и которые только по этому признаку не имели права голоса в дворянских собраниях (по указу Николая I от 1831 г.). Какая уж тут усадьба, когда существование таких дворян не отличалось от крестьянского по своему достатку! Единственные заботы – о сиюми-

нутном и материальном, ни политических, ни духовных устремлений. К богатейшим дворянам относились члены примерно 1 000 семейств, каждое из которых владело 1 000 и более душ (в среднем – по 4 000 взрослых крепостных обоего пола). Мало кто из них вообще имел представление о своих доходах и расходах и заглядывал когда-либо в конторские книги. И, наконец, среднее дворянство, имевшее от 100 до 1 000 крепостных душ (в среднем – 470). Это означало независимость, возможность дать детям современное образование, совершать наезды в Европу, обучаться в тамошних университетах и быть политически активной силой общества (см.: Рузвельт 2008: 28).

Разорение первой, самой многочисленной группы дворян началось одновременно с дарованной им свободой. Среднее дворянство вместе с богатейшим составляло одну пятую часть от общего числа дворян-крепостников. Русская культура в значительной степени есть произведение этого класса. И дворянские усадьбы с их главными домами или дворцами, садами и парками, оранжереями и крепостными театрами, библиотеками и музеями составляют значительную часть этой культуры.

И здесь возникают удивительные вещи. Из данного мною «самодеятельного» определения дворянской усадьбы ясно по крайней мере одно: это такая часть дворянского имения, которая должна быть совершенно затратной. А вернее, при свойственной россиянам экстенсивной системе ведения хозяйства еще более затратной, чем сельхозугодия. От пахотной-то земли доход при наиболее распространенной урожайности «сам-третьей» проблематичен – это только себе на прокорм. Выручали крепостные, когда их было много, – мануфактуры по выделке грубых тканей, кирпичные заводишки, гончарное производство, столовая посуда и т. д. Прибыль от такого хозяйства могла уменьшиться только из-за обилия религиозных праздников, приходящихся именно на зимнее время.

И вот наперекор стихиям, при кратком вегетационном периоде в теплицах и парниках выращиваются круглый год персики и нектарины, вишня и ананасы, дыни и арбузы. Свежие цветы – круглый год – во всех комнатах. Пальма первенства тут принадлежит имениннику Разумовских Горенкам в двадцати верстах от Москвы (см.: Там же: 122). Имение славилось огромным ботаническим садом,

который иностранцы-современники называли «одним из самых великолепных во всем мире». «Здесь вас поджидают азиатские развлечения среди сурового русского климата – прогулки по тропическим лесам и рощам, когда снаружи мороз достигает 35 градусов» (см.: Рузвельт 2008: 122). При подзолистых и песчаных почвах, а то и болотах – ливанские кедры и американские вязы в парках, распространение за пятидесятой параллелью дубовых и липовых рощ. Похоже, только в дворянской усадьбе можно было восполнить то, чем обидела природа, и сделать все наперекор ей. Вторжение в естественную среду со строительством усадебных зданий, будучи всегда агрессией по отношению к природе, компенсировалось у грамотных хозяев желанием ее преобразовать и дополнить попытками создания идеального мира. Бредовость мыслей об идеальном мироустройстве и предметоустройстве становилась, при счастливом стечении обстоятельств, реальностью в пределах усадебного забора. Так возникли и распространились по России прекрасные миры, которые было очень радостно создавать, за которыми было очень дорого ухаживать (гораздо дороже, чем за зданиями на территории усадеб), которые оказалось так легко уничтожить и так трудно, почти невозможно, возродить.

Идейной вдохновительницей дворянского общества во время усадебного бума была, конечно же, Екатерина II. Со своей «легисломанией» (манией писать и создавать законы), манией строительства и намерениями она стремилась к тому, чтобы в России появились граждане, проникнутые общественным духом. Екатерина прекрасно понимала, что русское дворянство лучше всего сможет выразить себя как аристократическое общество именно в усадебном доме вместе со всем, что его окружает. Западноевропейская аристократия этот путь уже прошла. В то же время Екатерина в письме к Вольтеру резко раскритиковала французский регулярный стиль и официально подтвердила моду на нерегулярные, живописные ландшафты, соответствующие переменам в садово-парковом хозяйстве Англии (см.: Вергунов, Горохов 1996). К началу XIX в. английский нерегулярный сад получил широкое распространение в русской усадьбе. Основные детали и масштабы работ зависели от того, что мог позволить себе помещик. И здесь в помощь русскому дворянству как раз вовремя появились труды ученого-

садовода и агронома Андрея Тимофеевича Болотова, который издал 40 томов журналов «Экономический магазин» и «Сельский житель». Теоретические вопросы садоводства сочетались в этих изданиях с детальными практическими советами. А. Болотов хотел вдохновить и снабдить относительно небогатых помещиков советами, как превратить естественную среду в природный рай. Из способа заработать на жизнь в богатых и средних усадьбах земля становилась образом жизни. «Эффект кажущейся естественности» достигался нередко колоссальными усилиями. В селе Богородском Московской губернии целью того же Болотова было найти родник и постараться поднять повыше его исток, чтобы облегчить устройство каскадов и водопадов. Перемещая огромные массы земли, бригады крепостных крестьян изменяли рельеф местности, рыли пруды и бассейны, прокладывали каналы. Так что пейзажный парк далеко не всегда обходился дешевле. Мне кажется, что Болотов был романтиком, творческой личностью, у людей подобного рода советы и рекомендации нередко расходятся с их же практикой. Болотов, выйдя в отставку, развел обширный регулярный(!) сад, недостатки которого объяснял тремя причинами: во-первых, он руководствовался иностранными книгами, не учитывающими климата России; во-вторых, содержание регулярного сада требовало слишком много сил; в-третьих, в то время ни о каких других садах еще не было понятия (см.: Вергунов, Горохов 1996: 217).

Временные рамки расцвета дворянских усадеб и их упадка хронологически связаны не абсолютно. Многие из получивших землю служилых дворян понимали, что им с этими заботами не справиться. А те, кто этого не осознавал, заводили, чтобы быть «не хуже других», крепостные театры, давали балы (да еще «...музыка будет полковая!», как у Лариных в «Евгении Онегине»), содержали конюшни и псарни, не говоря уже о многочисленной прислуге. Заканчивалось это довольно быстро полным разорением. Так что никакой идеализации и умиления, Россия – огромная страна. Были и придурковато-буйный Ноздрев, и идиотка Коробочка, и Салтычиха – «изверг рода человеческого», и Кашкаров со своим гаремом. Но были и выдающиеся деятели эпохи Просвещения, такие как архитектор, инженер, общественный деятель, поэт Н. А. Львов и один из первых агрономов А. Т. Болотов – люди, склонные к поиску, ко-

торые рассматривали каждую усадьбу как уникальное пространство, формируемое человеком, чувствующим характер и «дух» местности и создающим каждый раз свою идейно-художественную программу (см.: Вергунов, Горохов 1996: 208–217). Их подвижничество вместе с усилиями образованной элиты русского дворянского общества способствовало тому, чтобы возникла **дворянская усадьба** как феномен, сыгравший роль источника русской высокой культуры. Усадьба просвещенного дворянина, преимущественно из среднего дворянства, становилась гнездом семейных преданий. Время в усадьбе измерялось масштабами человеческой жизни – именно поэтому большинство усадеб носит имя владельца. «И еще, наверное, самое главное, – как пишет Д. О. Швидковский (2009: 314), – от времени дарования вольности дворянству до освобождения крестьян сменилось от силы четыре поколения. Поколения жили вместе, еще больше усиливая цельность русского усадебного времени: внуки, читавшие Тургенева, бабушки, помнившие Екатерину, отцы, участвовавшие в войнах с Наполеоном, сыновья, вышедшие на Сенатскую площадь во время декабрьского восстания... Постоянное ощущение прошлого в настоящем...». Это – не только дань англomanии, где загородный дом был олицетворением семейных и культурных традиций, накопленных многими поколениями.

Сказано уже не один раз и многими, что Россия – это уникальный опыт освоения, оформления и осознания пространства земли. Профессор кафедры ландшафтной архитектуры МАРХИ А. Ф. Квасов верно заметил, что во всей выдающейся русской литературе про детство дворянский сад находился на самом первом месте. Он говорит о такой характерной особенности русского дворянского сада и его обитателей, как интровертность – погруженность в собственный внутренний мир (см.: Квасов 2012). Контакт с внешним миром устанавливается с трудом. Наоборот, от внешнего мира нужно было отгородиться, потому что он враждебен. Надежный забор – это не столько обозначенная граница, сколько порождение психологического барьера, защиты от враждебного общества, которое стремилось при первом удобном случае эту границу нарушить. Гармония, уходящая в бесконечность, в виде далеких и прекрасных видов на поля, реки и рощи, в России удавалась далеко не

всегда. Этой теме посвящен гениальный рассказ А. П. Чехова «Новая дача», по-моему, недооцененный. Исследователи темы «Русская усадьба» пишут, что на всей территории сельской местности можно встретить следы валов, огораживающих «увеселительные сады». «Валы эти, оставаясь частью общего пейзажа, зримо напоминали о пропасти, разделяющей европеизированного владельца имения в его идеальном окружении и его же “посконных” крепостных в близлежащих деревнях» (см.: Рузвельт 2008: 320).

Дворянская усадьба – это социальное и материальное обрамление культурной жизни исключительного масштаба и резонанса. Конечно, «золотой» XIX в. русской культуры литературоцентричен. Достаточно назвать всего дюжину дворянских усадеб – «идеальных миров» – и окажется, что венки этих усадеб были магнитом, притягивающим все главные фигуры русских литераторов. Салоны хлебосольных богатых помещиков, живших открытым домом, создали идеальные условия для неформальных контактов между людьми, интересующимися общественными делами. Из рядов среднего дворянского слоя, сохранившего тесную связь с землей, возникло славянофильское движение. Постепенно растущая образованная часть дворянства пополнила ряды российской интеллигенции (см.: Пайпс 2012: 332). Усадьба – вот уж действительно сакральное пространство для русской интеллигенции, этого «забытого людьми и богом племени», с «освищенными речами и манерами» и с уже на всякий случай «сколоченным из фанеры сундучком». Лучше Булата Окуджавы тут и не скажешь.

В XIX в. достигли большого расцвета свободные профессии, практически неизвестные в дореформенной России. Поэтому были еще и усадьбы Мусоргского – Наумовка, и Чайковского – Клин, и Рахманинова – Ивановка. Были еще художественные школы в Поленово на Оке, и в подмосковном Абрамцево, и в Пенатах у Репина. И если мы говорим, что XIX в. был веком книги, то дворянская усадьба была идеальной пространственной нишей для написания книг и наилучшей временной нишей для их чтения (особенно длинными зимними вечерами). Не было бы никакой любимой пушкинской героини Татьяны Лариной, если бы она не начиталась книг «в теченье сельского досуга».

Дворянская усадьба – это материальное воплощение явления резонанса: реальный ландшафт, влияющий на формирование личности, вызывает желание оставить о себе память в пейзажном усадебном парке, парк, в свою очередь, оказывает воздействие на формирование личности, благодаря этому возникало ощущение подвижности бытия.

Дворянская усадьба – это воссоздание новых природных объектов. Человек создавал, иногда на голом месте, то, чего нет в природе, черпая средства для воссоздания из самой природы. Феномен «экологического производства» (теоретическая разработка идей которого принадлежит доктору философских наук Ю. В. Олейникову) зародился в русской дворянской усадьбе! Не было и в помине такого понятия, как «экология», тем более «экологическое производство и воспроизводство» (см.: Олейников, Борзова 2008: 406), но были посаженные человеком дубовые и липовые рощи, кедровые и лиственничные аллеи, обводненные овраги с рыбными заводами. Опыт наших предков, практика их взаимодействия с природой, когда ошущью, а когда и с серьезными научными обоснованиями – это целая программа действий для современного экологического движения.

Дворянская усадебная жизнь еще до реформы 1861 г. неторопливо, с достоинством сходила на нет. Рассуждения о том, что бы с нею было, если бы не революция 1917 г., Гражданская война, варварские разгромы во время Великой Отечественной войны, следует отнести к разряду праздных домыслов, так же как следует помнить, что убийства и грабежи, разорения и поджоги начались задолго до 1917 г. (см.: Кантор 2009: 250). Главными разрушителями были (и остаемся до сих пор) мы сами. По мнению историка князя Львова, «в области разрушения у русских не было соперников».

Еще уцелевшие и не до конца разрушенные дворянские усадьбы, городские парки и сады остаются последними островками, которые никак не встраиваются в глобальную современную систему культуры и экономики и сохраняют метафизику пространственной организации жизни человека. Забота о «городе для людей» задавлена космополитической архитектурой – неизбежной спутницей глобализованного мира. Строительный ажиотаж «новых русских» сочетает парадоксальным образом возведение загородных коттед-

жей и дворцов по последнему слову строительной техники с дальнейшим варварским разграблением и уничтожением того, что за внешней границей высоченных заборов со сторожевыми башнями. «Метаморфозы усадебного забора» – чем не тема для исследования... К сожалению, идея возродить то, что было утрачено, пропагандируемая упоминавшимся уже «Обществом изучения русской усадьбы», усилия «Архнадзора» и других волонтеров, заступающихся за русскую культуру, разбиваются о силу и ресурсы тех, кто им агрессивно противостоит.

И все-таки *дворянская усадьба* – это не миф. Это феномен русской истории и культуры, «золотой век» которой запечатлен прочно и навсегда в порожденной им русской литературе. Такой вот круговорот в природе русской культуры.

Литература

- Вергунов, А. П., Горохов, В. А.** 1996. *Вертоград*. М.: Культура.
- Кантор, В. К.** 2009. *Санкт-Петербург: Российская империя против российского хаоса*. М.: РОССПЭН.
- Квасов, А. Ф.** 2012. Русский сад – субъект без объекта, или «неподражаемое подражание». *Технологии строительства* 4.
- Нащокина, М. В. (ред.)** 2000. *Дворянские гнезда России. История, культура, архитектура*. М.: Жираф.
- Олейников, Ю. В., Борзова, Т. В.** 2008. *Экологическое взаимодействие общества с природой (философский анализ)*. М.: РГСУ.
- Пайнс, Р.** 2012. *Россия при старом режиме*. М.: Захаров.
- Рузвельт, П.** 2008. *Жизнь в русской усадьбе. Опыт социальной и культурной истории*. СПб.: Коло.
- Хейден, П.** 2009. *Русские парки и сады*. М.: Мартин.
- Швидковский, Д. О.** 2009. *От мегалита к мегаполису*. М.: Архитектура-С.